

Чжао Баи было до глубины души обидно. Он и сам всей душой желал, чтобы его одеяло выглядело как положено, но увы — некоторые таланты должны быть врожденными. Вот взять хотя бы его смазливую физиономию — разве тут что-то исправишь усердием? Впрочем, Баи имел в виду вовсе не умственные способности, а банальную криворукость в армейском быту. Да-да, именно так!

— До... докладываю, товарищ командир отделения! — взмолился он. — Может, не надо сегодня бега? Сил больше нет, честное слово, не добегу.

Видано ли дело, чтобы в армии капризничал здоровый лоб ростом под метр девяносто? Красивое лицо Ван Ана мгновенно перекосило от такого зрелища. Он судорожно дернул уголок рта, силясь подобрать слова, но так и не нашелся что сказать. Потерев со злостью виски, командир отделения вдруг рванулся к кровати Баи и яростно разворошил его постель, превратив убогую попытку изобразить «кубик тофу» в бесформенную кучу тряпья.

Казалось, он выместил на несчастном одеяле всю скопившуюся злость. Слегка переведя дух и пытаясь унять kloкочущий гнев, Ван Ан ткнул пальцем сначала в Чжао Баи, затем в растерзанную постель и, резко рубанув воздух рукой, ледяным тоном объявил первую боевую задачу Четвёртого отделения:

— Сегодня никто не ложится. Будете сидеть всю ночь, пока у каждого — слышите, у каждого! — одеяло не станет идеальным кубиком. И только тогда пойдете спать!

По казарме тут же пронесся приглушенный гул разочарования. Вслух перечить командиру никто не смел, но волна безмолвного протеста накрыла спальню: с какой стати они должны страдать из-за одного недотепы?

Чжао Баи вжал голову в плечи. Дело пахло керосином. Теперь он точно стал для всех козлом отпущения — ни дать ни взять паршивая овца, которая все стадо портит. В глазах сослуживцев он теперь выглядел не человеком, а бестолковым мулом, тянущим весь отряд на дно...

— Т-товарищ командир... — робко подал голос простоватый Ван Эрмао, переходя от волнения на свой деревенский говор. — Ночью ж это... отбой положен, свет тушить надоть. Как тады быть-то?

Под тяжелым, испепеляющим взглядом Ван Ана парень осекся на полуслове и поспешно втянул голову в плечи, не смея больше поднимать глаз.

— Значит, будете складывать при лунном свете! А сейчас — марш в столовую на ужин. Строиться в коридоре, старший — Ду Тао!

Наказание наказанием, но Ван Ан оставался кадровым военным и строго чтит устав. Он прекрасно знал, когда нужно проявить строгость, а когда — накормить людей, никогда не смешивая личные счеты со службой.

Чжао Баи украдкой покосился на командира и поспешил вслед за товарищами в коридор.

«А ведь этот железный сухарь... не такой уж он и бездушный»

Глубокой ночью, когда над гарнизоном взошла холодная ясная луна, снегопад и не думал прекращаться. Ледяной ветер то и дело швырял в оконные стекла пригоршни колючей крупы, заставляя рамы жалобно дребезжать. Голые, лишенные листья ветки тополей за окном оделись в тяжелый хрустальный наряд из сверкающего инея.

Алый кумач приветственного баннера для призыва 2002 года ярко выделялся на фоне безжизненного снежного безмолвия. Загородный мороз крепчал, сковывая все живое, и в казармах Роты новобранцев царил глубокий покой — уставшие за день парни спали без задних ног, набираясь сил перед завтрашней пахотой. И только в расположении Четвёртого отделения вовсю кипела работа. Двенадцать теней в полумраке, ловя тусклые лунные блики, с завидным упорством терзали свои постели.

— Мужики, ну виноват я, бес попутал! — шепотом взмолился Чжао Баи, пытаясь растопить лед в отношениях с товарищами.

Отложив одеяло, он искренне пытался вернуть расположение взвода, но увы — клеймо ходячего несчастья и главного врага здорового сна уже намертво прилипло к нему. Сослуживцы демонстративно игнорировали его заискивания, сосредоточенно возясь со своими шерстяными кубиками в надежде поскорее закончить эту каторгу и урвать хоть пару часов отдыха.

Для парня, привыкшего на гражданке быть душой компании и любимчиком публики, такое бойкотирование оказалось сущим кошмаром. Он растерянно переводил жалобный взгляд с одного угрюмого лица на другое. Да он лучше бы пробежал еще пару... ну ладно, хотя бы еще одну тысячу метров, только бы не терпеть эту убийственную глухую стену отчуждения!

Но ребята даже головы не поднимали. Им было лень тратить силы даже на ругань. Баи уже совсем раскис, решив, что армейская жизнь кончена, как вдруг в тишине спальни раздался едва различимый шепот:

— Да ладно тебе... Ничего страшного.

Услышав хоть одно живое слово, Чжао Баи чуть не подпрыгнул от радости, но, повернувшись к

говорившему, мгновенно сдуслся, а его восторг улетучился без следа. Это был Ван Эрмао.

Ван Эрмао, спавший на соседней нижней койке, приехал на службу из захолустного уезда Юйчэн провинции Хэнань. Был он худым и невзрачным, точно вяленый огурец: курносый, глазки-щелочки, кожа темная, обветренная. Без формы его за версту можно было принять за деревенского паренька, а в казенном обмундировании он и вовсе смотрелся нелепо — шинель висела на нем как на пугале.

Особым бесстрашием Эрмао тоже не отличался. Чжао Баи до сих пор со вдрожанием вспоминал их совместную поездку в призывном поезде. Они сидели друг напротив друга, когда из приоткрытого окна неожиданно вылетела здоровенная тараканиха. Эрмао взвизгнул и подпрыгнул так, словно под ним взорвалась мина, задев соседа, мирно уминавшего заварную лапшу. У бедолаги дрогнула рука, и обжигающий бульон вылился прямо на парня, сидевшего бок о бок с Чжао Баи. Тот с диким воплем подскочил, со всей дури впечатался затылком в железную перекладину багажной полки и кулем рухнул обратно.

И ладно бы он просто упал! Так нет же, этот страдалец приземлился аккурат на колени к Чжао Баи. Но и на этом злоключения не закончились: теряя равновесие, парень попытался за что-нибудь ухватиться и со всей силы уперся рукой... нет, не в сиденье, а точно в самое уязвимое мужское место товарища Чжао Баи. От адской боли у нашего героя искры из глаз посыпались — он завыл так, что едва не созвал всех святых. Семейное древо Баи тогда уцелело лишь чудом.

Та поездка навсегда врезалась в память Чжао Баи как самый жуткий кошмар в его жизни. Именно тогда он дал себе зарок: отныне передвигаться только самолетами, а если уж судьба занесет в поезд — ехать исключительно стоя!

<http://bllate.org/book/18247/1749936>